

Дорошин Иван Александрович

**ПРОТЕСТНАЯ ДИНАМИКА И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩНОСТИ В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ
СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА**

В статье анализируются перспективы трансформации подходов к анализу протестной динамики и институциональной устойчивости российского региона на уровне базовых - религиозных общностей. Основное внимание автор акцентирует на критическом анализе позитивных представлений о протестной активности, на условиях сетевой коммуникации как наиболее благоприятных для проявления парадоксальных эффектов, а также на проблемах консенсуса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/16.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 2. С. 75-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 316.3

Философские науки

В статье анализируются перспективы трансформации подходов к анализу протестной динамики и институциональной устойчивости российского региона на уровне базовых – религиозных общностей. Основное внимание автор акцентирует на критическом анализе позитивных представлений о протестной активности, на условиях сетевой коммуникации как наиболее благоприятных для проявления парадоксальных эффектов, а также на проблемах консенсуса.

Ключевые слова и фразы: риск; ценности; протест; социальный порядок; религиозная общность; сеть.

Дорошин Иван Александрович, к. филос. н., доцент

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
ivansar@mail.ru*

**ПРОТЕСТНАЯ ДИНАМИКА И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩНОСТИ
В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта
«Религиозные общности в сетевых структурах социального порядка: протестная
динамика и институциональная устойчивость российского региона» (грант № 17-33-01143).*

С ростом индивидуализации, социальной «атомизации» увеличивается и индивидуализация принятия решений социальными агентами. Казалось бы, с одной стороны, растет индивидуальная ответственность за их принятие. Но на смену приходит «вездесущий» консенсус, несомненно, удобный для небольших групп, но разрушительный в условиях динамики и масштабов рискогенной реальности. С другой стороны, протест также соотносится лишь с отсутствием консенсуса.

По мнению политологов, протестная активность является признаком здорового общества [6]. Так ли это? Думается, необходимо учитывать и эффекты так называемого общества риска. Амбивалентные ситуации, потенциально заряженные протестно, не всегда являются результатом действия «иммунных» процессов.

Во-первых, блокировать таким образом изменения способно социальное меньшинство, тогда как большинство сограждан оказываются в невыгодных условиях. Казалось бы, коммуникационные возможности позволяют услышать всех и даже обсудить подавляющее количество тем. Это и ведет к заблуждению. «Окно Овертона» легко двигается, но выпрыгнуть за его пределы невозможно. К тому же объединение совершенно разнородных элементов, как и социальных меньшинств, способно имитировать некое «большинство».

В количественном отношении обсуждение может быть колоссальным, но большинство может не принимать в нем никакого участия. Назовем это коммуникационным парадоксом. Добавим сюда эффект середины поля, по аналогии с шахматной доской. Социальное меньшинство, стремящееся к победе, может не преследовать цели позитивных трансформаций общества.

Обратный эффект свободы слова достигается, когда свобода действия (позитивных трансформаций) блокируется несогласными. Обсудить мнения за приемлемый период невозможно, рискогенность вызвана скоростью изменений в сочетании с инерцией консенсусного мышления.

Наконец, сообщество принимает решение, которого не хочет ни один член группы. Эта драматическая ситуация известна как парадокс Абилина. В качестве гипотезы предположим, что базовые социальные общности, например религиозные, имеют свои механизмы защиты от подобных сбоев. Во-первых, базовое доверие снижает риски принятия неадекватных решений, во-вторых, выстраивает ту самую подлинную коммуникацию, которая позволяет выслушать друг друга. Но новые условия блокируют возможность применения средств защиты.

Также и понимание происходящих событий на основе топосов массового сознания, вне ориентиров цивилизационного самоопределения – не способствует правильному выбору или применению средств защиты. Это одна сторона проблемы. С другой стороны, рискогенные зоны с кризисно-нормативными правилами, наоборот, пытаются соотнести с культурными кодами традиций.

Попробуем прояснить ориентиры для понимания эффекта социальной «напряженности», формализовав их следующим образом:

- социальная динамика в условиях консенсусного существования цивилизационных проектов в сетевом мире достигает уровня невосприимчивости к контексту событий;
- значимое место в дискурсивных практиках власти занимают катастрофические сценарии;
- сетевая коммуникация подменяет коммуникацию в сети и иные формы социальной активности; парадоксальность сетевой схемы религиозной идентификации заключается в том, что расхождения участников взаимодействия подавляются, латентно накапливая напряженность; при этом сетевые принципы организации слабо ориентированы на достижение общего блага, поэтому неэффективны при необходимости разрешения конфликтной ситуации;
- все случившееся выдается за естественный процесс, что позволяет элиминировать представления о социальной ответственности акторов.

Условия сетевой коммуникации наиболее благоприятны для проявления парадоксальных эффектов. Консенсус как условие существования сети сочетается с индифферентностью к реальным изменениям участников.

Возвращаясь к вопросу затрат консенсусного мышления, стоит отметить, что киберпространство стремится к расширению. Если бы можно было предложить термин «*кибервремя*», то главной его характеристикой было бы стремление к схлопыванию. Таким образом, в новых условиях мы имеем дело, скорее, с видимостью консенсуса, который еще сохраняется разве что религиозными группами. Но это сохранение может стать и основой манипулирования ими. К тому же переходные процессы в обществе приводят к изменению соотношения проектов религиозной идентификации, а также усилению влияния протестного и катастрофического сознания.

В эпоху социальных сетей важно сочетание подходов для исследования религиозного измерения социального протеста: «Освобождаясь от прошлого, мы можем стать рабами новой религии, убеждений, столь же неправомερных, ограниченных и произвольных, как и старые предрассудки» [2, с. 13]. При этом, согласно П. Бурдьё, социальное пространство и различия, которые проявляются в нем «спонтанно», всегда стремятся функционировать символически [3].

Освобождение от «прошлого» через критическую работу наталкивается в среде религиозных общностей на следующую особенность. Главная движущая сила критической работы – интеллектуалы в анализе социальной проблематики склонны в большей степени сосредотачиваться на вопросах, актуальных для времени их молодости, нежели критически исследовать и анализировать современные дискурсивные практики [8]. Асинхронность становления критического дискурса, будучи особенностью общества риска, также задает «люфт» для формирования протестных настроений. Перспективными видятся только специальные усилия по различению критического и протестного дискурса, выработке предложений по поддержке критики. Причина асинхронности видится в инерции «социальной памяти». Подобная асинхронность есть и в российской организационной культуре, которая опирается сегодня в опыт комсомола. «Асинхронности» приводят к отчуждению молодежи от критической работы, модернизации и реформирования общества, равно могут вызывать ее отторжение организационные усилия тех, кто попал в эту «петлю» асинхронности.

Потерявшая ориентиры молодежь ищет новые пути локализации высших запросов, у которых есть несомненное социальное измерение. Когда паразитизм становится неспособностью, а социальная дезориентированность граничит с шизофренизацией, появляются предложения «героического» пути. Эта категория молодежи, конечно, прекрасно управляема и привлекательна как для «подполья», так и для подготовки массовых протестов. Предлагается идеология, позволяющая порой все, при условии исповедания в теории «правильного пути» революции и участия в насилии.

Деятельность множества ресурсов и само существование призыва направлены, возможно, не столько на вербовку сторонников, сколько на создание «защитного кольца» – массы сочувствующих. Таким образом, набирается «масса» протестного проекта. Несомненно, власть подобного проекта – власть высокого давления на грани социального взрыва. Наша задача состоит не в том, чтобы выяснить, что служит компрессором, а в том, как «сравливать» давление. Прежде всего, система начинает отчуждение непроницаемых для СМИ элементов – псевдоэлит, особое положение которых не фундировано интеллектуальным господством, как в случае научного или бизнес-сообщества. Но это не тема нашего исследования.

Понятно, что ни одна система не способна обновиться быстро, мгновенные изменения всегда «сжигают» (а хочется употребить теперь уже просторечное слово «сжирают», от слав. *жрети* – приносить жертву) в качестве топлива лучшее: интеллигенцию, интеллектуалов и, конечно же, молодежь. В первую очередь, стоит помнить, что распадается сам катализатор.

Необходимо исследовать эти идейные комплексы – с собственным новоязом и системой простых, жестких и преподносимых как реальность «ценностей». Если буржуазия, согласно Р. Барту, стремится выдать все за естественный процесс [1], то виртуализированные протестные проекты – за реальность. Ход мысли вполне манипулятивный – все, казалось бы, имеют изначальное представление о простоте и жестокости социальной реальности. Делается обратный ход. Простота и жестокость решения подаются как «реальности жизни». «Реальность» моделируется в сетях. Мы отчаянно ищем ее, уезжая при первой возможности «на природу». Но учтена и эта особенность, «реальность» на ресурсах подполья может быть вполне «экологичной» и смахивать на ту самую природу. На фоне зеленого леса и писали видео-обращения многие «водители». Пятнистый камуфляж более подчеркивает, а не прячет, намекая на «прямое» отношение к вашему естеству и «реальности». В киберпространстве отношение к естеству становится аналогом истины. Если ранее юноши бледные со взором горящим и томиком Ницше одевались в черное, то теперь всё чаще в центре города встретим мы их в «горках», «энцефалитках», камуфляже. Пятнистая и просто «защитная» форма оказывается лишь объектом потребления, подобием «облачения» священнодействия для «шизоидных» практик современности. Круг замыкается, если вспомнить пророчества Э. Фромма о кибернетической религии. Добавим концепт Р. Барта о значении мотивов «естественности» для буржуазии и получим представления о «священнодействии» в виртуальной «антиреальности». Звучит фантазийно, но надо понимать, что в данном случае объект и не должен иметь отношение к реальному миру и поискам истины.

Гипертекстуальное множество информации в киберпространстве дополняется аналогичным ветвлением смыслов, вторичным усложнением. Третий уровень – ризоматическое множество восприятия ценностной реальности в сети. Потребитель интернет-помойки не обязательно примитивен, это субъект с ризомой из ценностных ориентаций в «голове». Это корневище способно разрушить наш «глиняный горшок». Киберпространство

все более захватывает плотный дерн, быстро воспламеняющийся протестными действиями. Оно не богато репрезентациями ценностных нарративов, в тени которых приятно вести философские беседы. В сетевом общении высшие запросы социального служения оказываются бок о бок с мусором интернет-помойки, как любовь и ненависть – вместе формируют идентичность. Человек общества потребления нацелен брать от жизни все, «обращенный» подобным образом способен потребовать все отдать. При сохранении ризоматического восприятия ценностной реальности речь идет о том же требовании брать все, но вроде как не для себя лично... ради «справедливости», «людей», «высшей реальности» и т.д. На данный момент не существует ни одного внятного проекта развития киберпространства, загрязнение оказывается критичным.

Вопрос отражения ценностного единства мировосприятия в сетевом пространстве вполне логично трансформируется в вопросы стабильности социальной реальности. Россия сегодня предоставляет самые перспективные территории, но единственным условием привлечения инвестиций является стабильность. Центральное измерение – это институциональная устойчивость российского региона. Региональные конфликты обладают колоссальной энергией выхода на федеральную повестку, судят по этим конфликтам о гораздо более общих моментах [5]. Тем более что формируется выход в сети Интернет.

Эксперты выделяют несколько типов конфликтов [Там же]: антизастрочные; ограничительные, связанные с чувством ограничения свободы, передачей городских объектов в частное пользование, сокращением возможности пользоваться автотранспортом; экологические конфликты; а также ситуации, связанные с культурно-ценностной сферой, с национальными и религиозными факторами (говорить о которых многие избегают). От себя добавим, что конфликтная ситуация все более тяготеет к «амбивалентной» ситуации риска и гибридной схеме ее воспроизводства, которая может быть описана проявлением смешанных типов. Например, опыт показывает, что конфликт антизастрочный может быть выдан за экологически обоснованное противостояние, катализатором которого оказываются районные политические лидеры, мотивированные религиозно и национально. Например, неоязычники тесно работают с местными политическими лидерами, способными мобилизовать коммунистов преклонного возраста на защиту деревьев в том месте, где начата установка будущего христианского храма.

Можно сделать предварительный вывод, что гибридность может оказаться главной характеристикой протестных действий в ближайшее время. Также, по мнению ряда экспертов, в ближайшем будущем будут развиваться сетевые столкновения, которые не имеют определенной локализации [Там же]. При этом структуры власти не очень хорошо понимают сетевые коммуникации, все формализуется и объясняется логикой самого конфликта.

Итак, стоит отметить следующую перспективу трансформации подхода к анализу протестной динамики и институциональной устойчивости российского региона (на примере исследования религиозных общностей):

1. Отказ от эконоцентрического анализа исторического процесса [7, с. 4] и переориентация внимания с исследования экономического неравенства к исследованию восприятия этой реальности (понимание изменений, трансформация чувства несправедливости, потери уверенности в завтрашнем дне и т.д.).

2. Уход от обсуждения глобализации и идей столкновения цивилизаций на уровне подхода как составляющих стратегии американизации.

3. Исследование распространения религиозных движений как религиозных общностей, а религиозного протеста – без отрыва от общественных настроений.

4. Выявление на основе многомерного категориального анализа сущностной разницы закономерностей проявления протеста и логики конфликта, отличие, пусть и глубокого уровня, собственных интересов от ценностной ориентированности. Группы, которые ориентированы на интересы и общности, основанные на ценностях, показывают поведение, различающееся фундаментально. Переход локальных протестов в общенациональные происходит, когда значимый интерес и сильно актуализированные ценности взаимосвязаны [4].

5. Изучение локального конфликта как социального института с характерными нормами и представлениями для решения задач прогнозирования.

В целом стоит в заключение отметить, что процесс индивидуализации россиян заканчивается и нарастает значимость ценностно-ориентированных групп. Понимание теории в этом случае имеет определяющее значение. Как говорят, если мы думаем, что не пользуемся теорией, то мы пользуемся просто плохой теорией.

Но в стремлении учесть глубокий уровень собственных интересов, равно как и в поиске истинных ценностей человек оказывается критически неразборчив к отношениям общности. Скорость коммуникации и количество коммуникативных актов он все более путает с налаженной коммунальностью, равно как измененные состояния сознания путает с духовной жизнью.

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Бернштейн П. Против богов. Укрощение риска. М.: Олимп-бизнес, 2000. 400 с.
3. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. Дискин И. Е. Резюме дискуссии на круглом столе в КГИ [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3331/> (дата обращения: 14.09.2017).
5. Локальные конфликты и их влияние на власть и общество. Резюме дискуссии на круглом столе в КГИ [Электронный ресурс]. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3331/> (дата обращения: 14.09.2017).
6. Политологи назвали причину роста протестных настроений в регионах России [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/politics/20160615/1448045778.html> (дата обращения: 14.09.2017).

7. Хевешн М. А. Толпа, массы, политика: историко-философский очерк. М.: ИФ РАН, 2001. 223 с.
8. Jalaeipour H. Religious Intellectuals and Political Action in the Reform Movement [Электронный ресурс]. URL: http://www.dr.soroush.com/PDF/E-CMO-20001021-Religious_Intellectuals_and_Political_Action_in_the_Reform_Movement.pdf (дата обращения: 05.08.2011).

PROTEST DYNAMICS AND RELIGIOUS COMMUNITIES IN NETWORK STRUCTURES OF SOCIAL ORDER

Doroshin Ivan Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saratov State University
ivansar@mail.ru

The article analyzes the prospects for transforming the approaches to analyzing the protest dynamics and institutional stability of the Russian region at the level of the basic – religious communities. The author focuses on the critical analysis of positive ideas about protest activity, on the conditions of network communication, as the most favorable for the manifestation of paradoxical effects, as well as on the problems of consensus.

Key words and phrases: risk; values; protest; social order; religious community; network.

УДК 7.021.3; 7.025.4

Искусствоведение

В процессе наполнения «Базы данных по российским клеймам на изделиях ДПИ из драгоценных металлов», созданной в ГосНИИР, выяснилось, что наряду с пробирным мастером Андреем Антоновичем Ковальским, имевшим клеймо «А • К» и работавшим в период 1821-1856 гг., существуют клейма другого пробирного мастера, также имевшего клеймо «А • К». Но эти клейма датируются 1879-1884 годами. В литературе информация о данном мастере отсутствует. В статье определяется имя этого неизвестного пробирного мастера, работавшего в Московской пробирной палатке.

Ключевые слова и фразы: пробирный мастер; клейма пробирного надзора; клейма-именники; период работы пробирного мастера; экспертиза предметов декоративно-прикладного искусства из драгоценных металлов; база данных по клеймам на изделиях декоративно-прикладного искусства.

Дубровин Михаил Феликсович, к.т.н.

Государственный научно-исследовательский институт реставрации, г. Москва
info@gosniir.ru

МОСКОВСКИЙ ПРОБИРНЫЙ МАСТЕР С КЛЕЙМОМ «А • К». КТО ОН?

При проведении экспертизы предметов декоративно-прикладного искусства из драгоценных металлов (ДПИ) важную роль играют клейма пробирного надзора. В отличие от клейм-именников (клейма, принадлежащие мастеру-изготовителю), клейма пробирного надзора изготавливались централизованно на Санкт-Петербургском монетном дворе и затем рассылались по пробирным учреждениям. Поэтому их разнообразие ограничено и конечно. Теоретически исследователь, имея доступ ко всем требуемым по времени изготовления предметам, может собрать изображения всех клейм пробирного надзора Российской империи (естественно, затратив на это достаточное количество времени и труда).

Рассмотрим литературу, посвященную исследованиям истории пробирного надзора Российской империи; в рамках данной статьи недостатки этих исследований не рассматриваются. На сегодняшний день в книге «Золотое и серебряное дело XV-XX вв.» [4] в разделе «Указатель клейм...» [Там же, с. 145-351] опубликована наиболее полная по объёму визуальная информация о клеймах, но, к сожалению, только в виде прорисовки клейм. В руководстве для экспертов-искусствоведов «Пробирное дело в России (1700-1946)» [2] приведено много информации о составах российских пробирных учреждений, но практически нет изображений самих клейм. В каталоге «Клад фабрикантши Лихачевой» [3] представлены небольшие фотографии клейм пробирного надзора, проставленные на предметах обнаруженногоклада. В каталоге «Русское художественное серебро. Из собрания Архангельского музея изобразительных искусств» [5] приведено небольшое количество прорисовок клейм, в том числе и пробирного надзора. Следует отметить, что в каталоге [Там же] клейма в виде прорисовок размещены в том порядке, как они расположены на изделии, чего нет в других работах. Но нет уверенности, что опубликованы полные комплексы клейм, проставленных на одном предмете. Во всех остальных известных нам работах перепечатаны прорисовки пробирных клейм из «Указателя клейм...» [4, с. 145-351]. Из этого следует вывод, что в настоящее время у исследователей-экспертов нет объективной информации при проведении экспертиз изделий ДПИ из драгоценных металлов.

Для устранения нехватки объективной информации о клеймах, как пробирного надзора, так и именников, в Государственном научно-исследовательском институте реставрации (ГосНИИР) создана и постоянно